



Фоберт
Ланг



Кендальская
сфера



INSPIRIA

Москва

2024

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
Л24

Roberto Lapid
PASIÓN IMPERFECTA

Copyright © Roberto Lapid, 2017

Translation rights arranged by Sandra Bruna Agencia Literaria, SL

В оформлении обложки использован кадр из фильма «Райское тело»
("The Heavenly Body", 1944 г.):

© MGM / The Hollywood Archive / Legion-Media.

В оформлении форзаца использована фотография:

© Everett Collection / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

В оформлении авантитула использована иллюстрация:

© Natata / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с испанского *Геннадия Петрова*

Лapid, Роберто.

Л24 Неидеальная страсть / Роберто Лapid ; [перевод с испанского Г. Петрова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-04-197589-0

Хеди Ламарр — звезда Голливуда, девушка, ставшая прообразом для диснеевской Белоснежки и Чудо-женщины, первая обнаженная женщина на экране в истории кино, а также создательница технологии для Wi-Fi, Bluetooth и GPS.

Фриц Мандль — венский промышленник, молодой владелец оружейной фабрики, сколотивший одно из крупнейших состояний на планете, на продаже оружия благодаря таким клиентам, как Муссолини, Гитлер и Франко.

Когда в 1933 году Фриц видит фильм «Экстаз» с Хеди Ламарр, он становится одержим ею. И он не остановится, пока не добьется ее руки против ее воли.

История их любви не была идеальной, в ней были измены, побег на другой континент, угрозы и воссоединения, но она ознаменовала собой ярчайшие события XX века.

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

© Петров Г., перевод на русский язык, 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197589-0

Роберто ЛАПИД

НЕИДЕАЛЬНАЯ СТРАСТЬ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ХЕДИ ЛАМАРР И ФРИЦА МАНДЛЯ

Персонажи и факты этого романа подлинные.
Некоторые события изменены согласно сюжету.

*Посвящается
Канделе и Элиотт,
новичкам*

Legu

*М*ои слезы довели меня до отчаяния.

Я окружена одиночеством, окутана нищенским богатством, жалкой роскошью. Я запуталась в клубке безумного здравомыслия мужа. Его спокойствие бесит, его надежность зыбка.

Да, его могущество возбуждает, его страсть поглощает, его коварство очаровывает, но он теряет власть в моем присутствии; силач слабеет у меня на коленях, его мудрость становится эфемерной, и этот мужчина в моих объятиях превращается в ребенка. Его молчание рядом со мной переходит в суету, его поддержка ослабевает, его воображение обращается наивностью.

Храбрый рыцарь цепляется за свой миф о доверии и славе, порождает идолопоклонство, преданность и страх. Он повелевает своей свитой, проявляя искусное терпение и излишнее спокойствие.

Все это влекло меня от глубокой любви к крайней ненависти, от умиротворенности к пытке. Для меня это стало благословением и вызовом; с ним я побывала в раю по пути в ад.

Гриц

*М*оя стойкость ослабевает, мое желание подавляется; я безутешен.

Ангел превращается в демона; его обаяние — в проклятье; музыка — в скрежет.

Она удерживает меня на краю своей души и накрывает своим обаянием, которое становится чародейством.

Она — блаженство и приговор.

Ее близость, ее женственный аромат, ее притягательный ореол, ее соблазнительная улыбка, ощущение ее шагов рядом со мной и электрического тока из кончиков ее пальцев, когда она прикасается ко мне: все это — упоение.

Оказаться в ее власти, вообразить ее свободной, ловить ее взор и видеть, как ею восхищаются, нуждаться в ее слове, объятиях, жаждать ее тепла, погружаться в чары ее ласк. Это и значит страдать ею.

Я сполна заплатил за все, во что ввергли меня ее чары; упоение было возвышенным, хотя и пришлось выдержать приговор, на который обрекло меня ее влияние.

Большие результаты требуют больших амбиций.

Гераклит

Вена, июнь 1933 г.

*М*ужчина был взволнован; он вцепился в подлокотник кресла, потушил сигару о серебряный поднос, пригубил свой любимый виски и снова устремил взгляд на экран домашнего кинотеатра. Совершенно обнаженная женщина, легко бежавшая между равниной и лесом, заморозила его. Никогда еще он не видел такой сцены, ведь прежде не снимали ничего подобного, и к тому же никогда раньше он не любовался такой красавицей.

Минутой ранее на девушке было белое платье с открытыми плечами, она мелькала среди деревьев, пока не достигла пруда, где сняла одежду, чтобы абсолютно обнаженной броситься в прозрачную воду. В другой сцене она занималась любовью с мужчиной, и ее идеальное лицо выражало экстаз. Ее волосы — такие темные, ее странные светлые глаза, стройное тело и вызывающее поведение пленяли прямо с экрана.

- Как ее зовут? — требовательно спросил Фриц.
— Хеди Кислер, — ответил Лукас.

— Разузнай о ней все, информация должна быть на моем столе завтра рано утром.

Помощник поспешно покинул зал, на ходу записывая что-то в блокноте.

Фриц Мандль продолжил внимательный просмотр фильма; время от времени он делал знак кинемеханику перемотать пленку назад. Чаще всего он останавливался на эпизоде, в котором необыкновенно красивая актриса изображала оргазм, чего раньше в кино никогда не видывали.

Фриц не сомневался, что она будет принадлежать ему, поскольку всегда получал то, чего желал. Он не стал дожидаться окончания показа и встал, поскольку насмотрелся уже достаточно, ему не терпелось увидеть эту женщину наяву.

Он вышел из зала и направился в спальню, где его ждала очередная любовница; ему предстояло хорошо провести время, пусть и не с Хеди Кислер.

Красивые женщины были его единственной и главной слабостью с отрочества. С той поры, как в 18 лет он открыл для себя удовольствия секса и оказался вовлеченным в свидания и романы с соседками, однокурсницами и некоторыми молодыми женщинами из высшего общества Вены. Его связи и состояние открывали ему доступ к важным мероприятиям, а девушки из Австрии и других стран легко соблазнялись его обаянием, внешностью и непринужденностью в общении.

Он знал, что его собственная слабость в отношении прекрасных женских тел может причинить

ему неприятности. Поэтому всегда старался остудить свой разум, проявлять здравомыслие перед лицом желания и утихомиривать свои порывы.

«Страсти таят в себе вероломство и предательство, они подавляют разум, господствуют над волей и доводят людей до безумия», — говаривал он себе.

На следующее утро Фриц медленно спускался по имперской лестнице своего особняка на окраине Вены. Он наслаждался всей роскошью, какую только мог себе позволить, уделяя особое внимание деталям. Он не любил викторианский стиль, предпочитая просторные комнаты и белые шторы, отражавшиеся в блестящем мраморном полу и придававшие помещениям величественный и прозрачный вид. Хрустальные люстры, ковры с изысканным рисунком и мебель с ручной резьбой дополняли работу дизайнеров-авангардистов; окна от пола до потолка открывали вид на ухоженные аккуратные сады.

Стоя перед огромным зеркалом в холле, Фриц поправил красную гвоздику, которую всегда носил приколотой к левому лацкану. Костюмы были его навязчивой идеей: все они были сшиты на заказ лучшими портными Европы; костюмов у него было более трехсот, почти по одному на каждый день года, причем на правых лацканах пиджаков были вышиты его инициалы — нитками в тон ткани. На его туфлях, тоже изготовленных вручную специально для него, по краям каблучков были приклепаны металлические буквы FM.

Дворецкий распахнул перед ним дверь. Фриц устроился на заднем сиденье автомобиля; за оградой его ждали шесть полицейских на мотоциклах, которые сопровождали его во время поездок: с момента назначения депутатом парламента ему предоставили охрану.

— Когда приедем на завод, поговори с Лукасом, — приказал он шоферу. — Хочу, чтобы отменили эту смехотворную слежку за мной. Лукас сам позаботится об организации моего сопровождения.

От особняка до завода «Хиртенбергер Патроненфабрик» просматривалась захватывающая панорама австрийской сельской местности: вид на холмы, покрытые зелеными лугами и яркими цветами, а на заднем плане можно было различить Альпы с их заснеженными вершинами под ярко-голубым небом; пышные буковые, сосновые, дубовые и еловые леса образовывали на горах геометрические узоры. Фрицу нравился этот пейзаж, ему казалось, что он полностью принадлежит ему.

Его последнее приобретение — привезенный в Австрию «Роллс-Ройс Фантом» с новинкой в виде шумной системы кондиционирования воздуха. Лето утомляло Фрица, и даже новомодной системы было недостаточно, чтобы унять жару. Капельки пота на лбу мешали ему, и он настойчиво вытирал их льняным носовым платком.

Охранники открыли ворота, как только увидели внушительную машину, и его водитель припарко-

вался в гараже, где Фриц держал и другие свои автомобили. Помимо «Роллса», у него было несколько «Кадиллаков» и «Мерседесов-Бенц», причем все они были изготовлены на заводах с учетом его пожеланий и окрашены одинаково: нижняя часть — в черный цвет, верхняя — в темно-красный металлик, который разрешалось использовать исключительно для его личных автомобилей. Оба цвета разделялись тонкими нежно-желтыми линиями, которые заканчивались, разумеется, его инициалами.

Фриц направился к административным зданиям, созерцая свою империю, свой источник власти. Его просторный кабинет был обставлен набором кресел в стиле чиппендейл с красноватой обивкой, широким письменным столом с креслами, обтянутыми коричневой кожей. Стены были обшиты панелями из бука, их украшали две картины Эдварда Мунка. Секретарша принесла Фрицу свежие газеты, непременные гаванские сигары и стакан виски. Когда она уходила, он наблюдал за ней сзади. Ношение облегающих платьев персоналом женского пола было его личным распоряжением.

Его отец был вынужден оставить руководство производством после ужасного нервного срыва, когда в конце Первой мировой войны коммунисты взорвали все его предприятия; ударная волна затронула не только имущество — его мозг отключился от реальности.

Фрицу пришлось возглавить компанию в девятнадцать лет. Он успешно учился на инженерном

факультете, был хорошим спортсменом и, помимо родного немецкого языка, знал несколько местных диалектов, в совершенстве владел итальянским и английским, а также немного говорил по-испански. Он начал руководство и реконструкцию завода с некоторой опаской, но вскоре обнаружил, что, придерживаясь здравого смысла, вполне может управлять своей империей. Его сильный характер, манера преодолевать конфликты и развивать проекты вызывали уважение и покорность не только у подчиненных.

Теперь, в тридцать три года, он был абсолютно своим в деловом мире. Фриц умел завязывать полезные контакты и заводить подходящие дружеские отношения, он разбирался в области связей с общественностью и понимал, с кем полезнее сотрудничать в каждой сделке. И он уже сколотил одно из самых значительных состояний в мире. У его завода были дочерние предприятия в Швейцарии, Голландии, Португалии и Бразилии. И контрабандисты, и правительства были для него одинаковыми клиентами, и он регулярно снабжал своей продукцией конфликтующие стороны.

Войны и стычки были его бизнесом, и, к счастью для него, в них никогда не было недостатка. Признаки гражданской войны появились в Испании, где за власть боролись республиканцы и фалангисты. Ходили слухи, что Германия тайно вооружается в нарушение Версальского договора, а это значит, ему придется установить контакт с Гитлером. Фриц поручил своим людям провести

соответствующее расследование, ведь его соотечественник полностью подминал под себя власть в Германии, поэтому Фрицу необходимо было знать обо всех его слабостях.

Откинувшись на спинку кресла, Фриц быстро просматривал заголовки новостей, когда ему сообщили, что Людвиг Дракслер, его адвокат и финансовый консультант, ждет в приемной. Войдя в кабинет, Людвиг дружески приветствовал Фрица и сразу же открыл портфель, который всегда был при нем.

— Продажи не могут идти лучше, Фриц. Мы уже открыли новые счета в двух княжествах: Люксембурге и Андорре. Тебе надо подписать эти контракты. — И он протянул ему стопку бумаг.

— Людвиг, у тебя уже есть запрошенные нами сведения? — Фрица больше интересовала другая тема.

— Лукас передал мне их сегодня утром, и данные совпадают с теми, что мне удалось выведать у наших источников в Берлине. Все было предсказуемо, этот человек уже давно громко заявляет об этом во всеуслышание, но никто не смеет его остановить.

— Слушаю тебя, Людвиг.

— Адольф Гитлер не станет соблюдать условия пактов, подписанных после Великой войны, и немцы немедленно начнут закупать оружие, ведь дуют военные ветры.

— Сообщи мне что-нибудь, чего я не знаю.